

НЕФТЯНАЯ РЕФОРМА ГАЗПРОМА?

Доктор экономических наук
А. А. КОНОПЛЯНИК

Первого января 2002 г. вступило в силу решение государств ОПЕК снизить поставки нефти на мировой рынок на 1.5 млн. баррелей в сутки (МБС). Основанием для этого послужило согласие ряда нефтедобывающих стран, не входящих в ОПЕК, в том числе России, сократить свой экспорт примерно на 0.5 МБС. России, как в те дни казалось, это решение далось очень нелегко. Накал страстей по вопросу снижать или не снижать экспорт (добычу) был столь велик, что дело дошло до открытой полемики между руководителями двух крупнейших российских нефтяных компаний - В. Алекперовым (Лукойл) и М. Ходорковским (ЮКОС), которая тогда выглядела, по реакции СМИ, как "наиболее яркое событие в нефтяной отрасли".

Однако стоило бы остановиться на сюжете, который не нашел пока адекватного отражения в СМИ, но который может отражать истинные мотивы именно такого характера публичных разногласий. Поведение нефтяных компаний в полемике отражало стремление обеспечить реализацию одного интереса, объединяющего их в большей степени, чем разъединяли противоречия.

Интересом, объединяющим всех российских нефтяников, является ГАЗ. Точнее - недискриминационный доступ к газотранспортным системам Газпрома с гарантированным выходом на внешний рынок. Выскажу предположение, что именно газовый мотив может объяснить линию действия нефтяных компаний и им вызванное поведение правительства в сентябре-декабре 2001 г. в отношении инициативы ОПЕК по удержанию нефтяных цен.

Руководителям нефтяных компаний не составило бы большого труда, пользуясь недостаточной осведомленностью чиновников правительства, убедить их поначалу в том, что решение поставленной задачи - временно сократить экспорт российской нефти - потребует очень больших жертв со стороны нефтяной отрасли. Существенно подняв таким образом "цену вопроса", далее, в ходе состоявшихся встреч Премьера с нефтяниками, нефтяным генералам было уже легче убедить правительственных чиновников в том, что большие жертвы с их стороны, принесенные на алтарь реализации политики правительства по сокращению экспорта, требуют адекватной компенсации.

Доступ к газовой трубе

В качестве компенсации нефтяники могли запросить обещание доступа к газовой трубе с выходом на экспортный рынок. Пусть даже не сегодня, а через два года, как об этом сообщил официальный представитель ЮКОСа после состоявшегося 5 декабря 2001 г. совещания у Премьера, где было принято решение о сокращении Россией экспорта нефти на 0.15 МБС с 1.01.2002.

Не зря же многие СМИ характеризовали решение о снижении экспорта как "джентльменское соглашение между нефтяниками и правительством". А у любого джентльменского соглашения есть обоюдные условия: нефтяники правительству - снижение экспорта, правительство нефтяникам - ? Доступ к газовой трубе?

Если это так, то нефтяникам удалось добиться решения важнейшей государственной задачи, заплатив за это "звоном монет", поскольку они в целом, как минимум, ничего не потеряли. Достигнутое в ходе столь "ожесточенных" дискуссий снижение экспорта на 0.15 МБС соответствует среднему за период 1995-2001 гг. сезонному его сокращению.

Получив доступ к экспортным газопроводам, нефтяные компании смогут резко увеличить свою

капитализацию. Многие из них имеют сегодня на балансе большие запасы газа, в основном попутного, но не могут (в терминах международной финансовой отчетности) записать их к себе в активы, так как не имеют возможности вывести их на рынок. Строить собственные газопроводы - удовольствие дорогостоящее, при этом акционерное финансирование их строительства не предусмотрено пока действующим законодательством, хотя и допускается в рамках одобренной правительством "Энергетической стратегии России". К тому же, именно Газпром пока отвечает за координацию государственной экспортной политики, а он неоднократно озвучивал тезис о том, что стране выгодно, чтобы экспорт газа осуществлял один-единственный экспортер с целью исключения конкуренции российского газа из разных источников друг с другом.

Думаю, именно этот - газовый - мотив может объяснить формат совещаний, на которых принимались решения о сокращении нефтяного экспорта (само такое решение, кстати, является легитимной прерогативой частных акционерных компаний и их акционеров, а не государства). Тот факт, что проводились они не в Минэнерго, а у главы российского правительства, на мой взгляд, говорит не столько о том, что сегодня у Минэнерго не осталось регулирующих функций (если бы причина была только в этом - такие рабочие совещания не поднялись бы выше уровня вице-преьера В. Христенко, Председателя Правительственной комиссии по регулированию доступа к магистральным трубопроводам), а о том, что именно на уровне главы правительства может быть принято решение о фактическом начале реформирования крупнейшей естественной монополии страны.

Можно полагать, что это начало реформирования Газпрома. То, что не удалось сделать в одиночку (без помощи бизнеса) реформаторам Е. Гайдару, Б. Немцову с А. Чубайсом, Е. Ясину, Г. Грефу, думаю, безусловно удастся нефтяному бизнесу при поддержке правительственных реформаторов, поскольку именно этот бизнес - нефтяники и связанные с ними деловые круги - стал сегодня кровно заинтересованным в том, чтобы реформировать Газпром. В своем нынешнем виде эта естественная монополия мешает решению тех задач, которые встали на повестку дня после многочисленных реорганизаций и переделов собственности в нефтяной отрасли, в первую очередь - решению задачи повышения капитализации нефтяных компаний.

Реформа Газпрома

Эта задача будет решена, и существующие на пути ее реализации помехи будут устранены. И если для этого потребуется реформировать Газпром, то консолидированными усилиями власти и нефтяного бизнеса, окрепшего за 10 лет в рыночной конкурентной борьбе, он будет в большей или меньшей степени реформирован. Настолько, насколько это будет необходимо для решения не только задачи доступа нефтяников (наряду с независимыми производителями газа) к газовой трубе, но и для более эффективного приспособления самого Газпрома к работе в новых реалиях - в условиях либерализуемых рынков, в условиях конкуренции не только на внешнем, но и на внутреннем рынке.

Кстати, именно поэтому нефтяные компании должны быть объективно заинтересованы с большим, чем ранее, энтузиазмом поддерживать необходимость ратификации Россией Договора к Энергетической Хартии (ДЭХ), поскольку этот документ (являющийся многосторонним международным договором, нормы которого в случае его ратификации будут превалировать над отечественным законодательством) в рамках данного конкретного случая защищает недискриминационный доступ негазпромовских производителей к газотранспортной инфраструктуре, против чего де-факто выступает Газпром.

В выигрыше от такого решения (о допуске нефтяников к газовой трубе), на мой взгляд, оказались бы все: и нефтяные компании, и государство (правительство), и сам Газпром, необходимость реформирования которого в целях приспособления к новым реалиям на энергетических рынках и повышения эффективности его функционирования и развития давно назрела, да и мы с вами - жители, потребители, налогоплательщики.